

А

Константин Михайлович Станюкович
Загадочный пассажир

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 28 марта 2003 года <http://publ.lib.ru>

"Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 9": Правда; Москва; 1977

Константин Михайлович Станюкович
Загадочный пассажир

Рассказ

I

В ночь сочельника трехмачтовый военный крейсер "Руслан" шел под всеми парусами, узлов по десяти, спускаясь к южным широтам.

"Руслан" легко рассекал воду и плавно раскачивался с бочка на бочок между волн, казалось, почтительно отступающих от него. Ветер был резкий, холодный, но не крепкий и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокие волны с однообразным тихим гулом лениво разбивались одна о другую, и пенящиеся их верхушки рассыпались алмазною пылью, облитые серебристым таинственным светом месяца.

Холодом и какою-то безнадежною тоскою одиночества веет и от заседевшего холмистого океана, и от бесстрастно красивой луны, и от звезд, ярко мигающих с темной бездонной выси. Стоящие на вахте матросы, одетые в буршлаты поверх фланелевых рубах, словно бы поддаются тоске этой ночи. И им острее чувствуется, что жизнь их -- скверная, служба -- проклятая и море -- постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядывают на океан, отворачиваются от него, и в эту рождественскую ночь их еще сильнее манит домой. И они тихо лясничают между собой о далеких своих местах.

II

И "Ганцакурату Кару Карычу", как прозвали матросы педантичного, хладнокровного, справедливого и добросовестно-недалекого капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема, и офицерам "очертел" длинный переход. Казалось, в этот вечер большая часть офицеров, засидевшихся в роскошной кают-компании, освещенной электричеством, дольше обыкновенного, скучала и нервничала еще более, чем в прежние дни перехода из Шербурга напрямик в Батавию.

Особенно приуныли семейные.

Даже старший офицер Евгений Николаевич, красивый румяный брюнет с роскошной бородкой, блестящими зубами и золотым porte-bonheur'ом на руке, любивший казаться служителем сурового долга, -- которому некогда скучать в море, да и неприлично -- был сдержанно и достойно серьезен и задумчив.

Обыкновенно великолепный и любивший вставлять веские, авторитетные слова в общие разговоры, любезный со всеми и ни к кому не выказывавший особого расположения, -- старший офицер молчал и думал, что встречать праздник несравненно лучше дома, в Петербурге, чем на "Руслане", да еще с людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, как он. И, разумеется, Евгений Николаевич не сомневался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своем одиночестве и, бедная, очень горюет в разлуке.

И с наивною влюбленностью в себя он размышлял:

"Еще бы Вавочке не горевать о нем, внимательном, заботливом, любящем семью! Еще бы не ценить Вавочке такого умного и хорошего человека, который так развил ее ум, так балует подарками! Она знает, что он сделает блестящую карьеру, и семья будет обеспечена. Еще бы не любить такого безукоризненного мужа, который если и изменяет супружескому долгу, то только в дальнем плавании и единственно ради здоровья! Недаром же Вавочка боготворит и смотрит ему в глаза, всегда боящаяся огорчить его. Она -- чудная, честная женщина и, разумеется, не позволит себе "подло увлечься", как увлекаются многие соломенные вдовы плавающих моряков... Она и не подумает!"

И в ту же минуту Евгений Николаевич мысленно решил, что в Батавии он непременно съездит на берег.